

КАТЕГОРИЯ «ИСТИНА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И СТАНДАРТ ДОКАЗЫВАНИЯ «ВНЕ РАЗУМНОГО СОМНЕНИЯ»: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Андрей СТЕПАНЕНКО,

аспирант кафедры уголовного процесса
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article is devoted to the research of the concept of “truth” in the criminal procedure as the purpose of proving. On the basis of analysis of the philosophical literature main conceptions of truth and its value were formulated, author also laid emphasis on fuzziness of “truth” and absence of unified understanding. Author compared “philosophical truth” with traditional view on truth as a main purpose of proving in criminal process. Author also laid stress on legislative as well as cognitive constraints on establishing the truth in criminal process and author made a conclusion on unreasonableness of applying “truth” concept in criminal process.

Key words: cognition, credibility, fact-finding, probability, proving, purpose of proving, standard of proof “beyond a reasonable doubt”, truth.

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепции «истина» в уголовном процессе как цели доказывания, в свете введения стандарта доказывания «вне разумного сомнения». На основе анализа философской литературы выделены основные подходы к пониманию категории истины и её роли в познании, указывается на неопределённость самого термина «истина» и отсутствие единого его понимания. Проводится сопоставление полученной «философской» истины с традиционным положением отечественной уголовно-процессуальной доктрины об истине как цели доказывания. Указывается на законодательные и познавательные ограничения, налагаемые уголовным процессом в установлении истины, и в результате приводится идея о некорректности использования термина «истина» в уголовном процессе.

Ключевые слова: вероятность, доказывание, достоверность, истина, познание, стандарт доказывания «вне разумного сомнения», цель доказывания.

Постановка проблемы. Стандарт доказывания, как концепция, так и стандарта «вне разумного сомнения» в рамках уголовного процесса является определенным критерием, порогом принятия решений, который определяет исход принимаемого решения при помощи наличия или отсутствия т. н. «разумных сомнений» у судьи (присяжного). Отсутствие разумных сомнений, какими бы они ни были, выступает в качестве определенной цели доказывания, некой ограниченности доказывания. Данная характеристика идет в разрез с традиционным положением истины как цели доказывания и основания принятия решения, что требует пересмотра данного положения.

Цель статьи состоит в анализе основных философских подходов к определению (пониманию) категории «истина» и на основе полученного – определение возможности применения данной категории к сфере уголовного процесса как цели доказывания и ее соотношение с концепцией стандарта доказывания «вне разумного сомнения».

Изложение основного материала исследования. Целью доказывания в отечественной уголовно-процессуальной доктрине и большинства постсо-

ветских стран традиционно называется установление истины, причем, называя ее то *объективной* [1, с. 178], [2, с. 6], то *материальной* [1, с. 178; 2, с. 6], то *формальной (процессуальной/юридической)* [1, с. 178; 3, с. 153–154], то *конвенционной (договорной)* [4; 5, р. 35] или относя ее к нескольким категориям [1, с. 178; 2, с. 6; 6, р. 56]. В то же время украинский законодатель исключил слово «истина» из текста Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Украины и включил в его состав стандарта доказывания «вне разумного сомнения», который является критерием принятия решений и традиционно рассматривается в противоположность абсолютной уверенности, несомненности судьи, присяжного [7], что можно рассматривать как определенную цель доказывания, подменяя истину (абсолютную несомненность, отсутствие всех сомнений). Как отмечает И.В. Решетникова, стандарт доказывания не преследует цели установления истины, а лишь указывает на то, смогли ли стороны выполнить бремя доказывания [8, с. 112].

Начинать анализ необходимо с указания на принадлежность категории (термина) истины к философии, а именно гносеологии или эпистемоло-

гии (теории познания), что является базисом и источником исследуемой «истины уголовно-процессуальной».

На современном периоде развития философской мысли можно выделить три теории (группы теорий) истинности: 1) корреспондентская (классическая); 2) когерентная; 3) прагматическая. Также отдельно можно выделить дефляционную или редундантную (избыточную) группу теорий истины.

Корреспондентская (классическая). Данная теория является одной из старейших, истоки которой можно обнаружить еще в трудах Платона, Аристотеля и Фомы Аквинского. Так, Аристотель в своей работе «Метафизика» (§ 1011b) определил классическую формулу истины: «говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущего нет, – значит говорить истинно». То есть ключевым в данной теории является соответствие (корреспонденция) наших представлений или утверждений действительности – фактам.

Корреспондентская теория объединяет несколько подходов. Одно из отличий между взглядами заключается в идее разбивки корреспонденции на части (целого), и те, которые отвергают

такую идею. Согласно современным воззрениям, корреспонденция некоторого истинного утверждения (предложения) с фактами происходит из слов в предложении, которые имеют отношение к предметам, а предметы являются такими, как указывается в предложении [9, p. 90].

Отдельно нужно отметить теорию А. Тарского в разрезе формального определения истины, а именно семантическую (как он сам ее называл) теорию истины. Данная теория А. Тарского была своеобразным ответом, решением проблемы лжеца, которую коротко можно сформулировать следующим образом: «Данное высказывание – ложь», то есть налицо логическое противоречие. Источником проблемы, по мнению А. Тарского, является язык, а именно естественный язык, и потому необходимо перейти от естественного языка к формальному. Последний должен включать определенный словарь и строгие синтаксические правила составления «правильных» выражений из слов, перечисленных в словаре. В целях обсуждения истинности выражений данного формализованного языка необходимо использовать особый метаязык. По отношению к этому особому языку формализованный язык выступает в качестве объектного языка. (L_0) [10, с. 30].

В результате мы получаем понятие истины как: « P » – истинно, если и только если P , или « P » истинно в L_0 , если, и только если P [10, с. 30–32].

Однако данная теория оставляет такой важный вопрос, как критерий истинности, без ответа, лишь предоставляя определение логически непротиворечивого определения истины, именно поэтому К.Ф. Штукенберг называет корреспондентскую теорию «неэпистемологической» [11, с. 79].

Проблема критерия истинности является одной из ключевых в критике корреспондентской теории. Так, если истина нашего представления заключается в соответствии между представлением и миром (объективной реальностью), то тогда, чтобы сказать, правильно ли наше представление, нам необходимо проверить, соответствует ли мир этому представлению. Но мы не можем проверить это без формирования другого представления о результатах проверки. Эти представления

тоже должны соответствовать действительности, с тем, чтобы быть истинным. Эта ситуация вызывает опасения, что мы никогда не сможем получить доступ к другой стороне корреспонденции, и, как следствие, что реальность может достаточно сильно отличаться от наших представлений о ней [9, с. 92].

В подобном ключе высказывался Л. Витгенштейн, который на раннем этапе своего творчества был сторонником корреспондентской теории истины, но впоследствии отказался от нее. Он считал, что когда мы пытаемся проверить истинность своего суждения о факте, единственное что мы можем сделать, – сравнить наше первое суждение со вторым суждением, а не с самим фактом [12, с. 10].

Когерентная. Теорию когерентности (с лат. *cohaerens* – «находящийся в связи») можно определить как представление, которое «является истинным, если оно является частью системы когерентных представлений» [13]. То есть в данной теории отсутствует связь с реальностью или фактами, а ключевым выступает такое свойство, как когерентность.

Эпистемологической (гносеологической) основой данной теории выступает когерентная теория познания, а точнее когерентная теория обоснования. Согласно данной теории, чтобы что-то [представление, утверждение] было обосновано (justified), оно должно быть частью когерентной системы представлений. Аргументом этому является то, что только другое представление может быть частью этой обоснованности с другими представлениями. Если корреспондентская теория пытается выразить интуицию, что истина является связью «содержание – мир» (реальность), делая это «простым» путем, путем поиска и связью объекта с истинным представлением (утверждением), то когерентная теория, наоборот, настаивает на том, что истиной является не связь «содержание – мир (реальность)», а «содержание – содержание». Делая это, когерентная теория требует появления некоторой метафизики, которая сделала бы возможным отображение этой связи на мир (реальность), и таким образом, требует появления идеализма [13; 14].

Между тем, как отмечает Е.А. Карякин, в сфере уголовного судопроизводства данная теория имеет место быть, например, в процессуальной деятельности субъекта принятия решения, при оценке доказательств на предмет их непротиворечивости, и, таким образом, достоверности [12, с. 21]. Также необходимо отметить прямое требование УПК Украины к обоснованности и правильности уголовно-процессуальных решений и взаимосвязи между доказательствами при их оценке.

Прагматическая. Прагматические теории истинности возникли в конце XIX – начале XX вв. и связаны с такими философами и исследователями, как Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи. Например, позиция Ч. Пирса часто понимается как: «Истина – это конец исследования». Взгляды Ч. Пирса и У. Джеймса ассоциируются со словами: «Истина удовлетворительна, чтобы верить» (“Truth is satisfactory to believe”) [13].

У. Джеймс под этим принципом подразумевает то, какое практическое значение имеет истина [15]. Истинные представления гарантированно не будут конфликтовать с последующим опытом. Подобным образом умозаключение Ч. Пирса указывает на то, что истинные представления останутся установленными в конце длительного исследования (расследования). Эта фраза чаще всего встречается как ассоциация прагматического взгляда на истину [13].

С. Хаак в своем исследовании «Прагматическая теория истины» отмечает, что прагматичные взгляды на истину оставляют место для идеи, что истина включает в себя некоторую корреспонденцию, поскольку научный метод исследования соответствует некоторому независимому миру (реальности); а также отмечает, что В. Джеймс поддерживает важную идею верификации – истина является тем, что поддается верификации [16]. Л. Пирс, к примеру, не исключает полностью корреспондентскую теорию, однако он выступает против «номинальности», «трансцендентности» определения истины, которое оторвано от практических вопросов опыта, убеждения и сомнения [13].

Также нужно отметить более поздних последователей прагматических

теорий истины, среди которых можно выделить Ю. Хабермаса, который рассматривал ее в рамках коммуникативной теории. Ю. Хабермас предлагает диалоговый intersubъективный (в отличие от субъект-объектного) поиск истины в процессе социальной коммуникации, направленной на консенсус; «истину процесса коммуникации определяют только участники процесса» [17, с. 128]. Хотя и такая коммуникация должна проходить в «идеальной языковой ситуации», участники которой обладают «коммуникативной компетенцией» [18, с. 257]. В уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать, в первую очередь, институт сделок в УПК Украины как поиск того самого консенсуса между участниками процесса, во вторую очередь, весь уголовный процесс можно рассматривать через призму процессуального интереса как его движущей силы, а судебное разбирательство (условно) как «идеальную языковую ситуацию», где каждая из сторон имеет (должна иметь) равные права и возможности в обмене аргументами и отстаивании своей позиции.

Дефляционная (редундантная). На самом деле, данные теории являются скорее «анти-истинными» и доминируют в аналитической философии [11, с. 80]. Дефляционные теории утверждают, что истина не содержит в себе никакой метафизической значимости, поскольку не имеет значимости сама по себе [13].

С точки зрения дефляционизма, философы загнули себя в тупик, забывая об иллюзорных метафизических проблемах. Для дефляциониста не существует вопроса (проблемы) «что является истиной?», а только проблема определения предиката истинности, то есть вопрос является не онтологическим, а лишь семантическим. Семантическое определение истины было дано А. Тарским, и более по этому поводу сказать невозможно [9, с. 97].

Редундантная теория вообще отвергает понятие истины как избыточное: не существует такого свойства, как «истина/истинность», то есть если к нашему утверждению мы добавим слово «истина», это не будет иметь никакого значения относительно того, что мы выражаем. Например, если мы говорим: «Снег – белый», и «То, что снег

белый – истинно» ничего не добавляет к утверждению, что снег белый, и поэтому является избыточным, редундантным [19]. Таким образом, истинные суждения, являются всего-навсего ассерторическими (утвердительными) суждениями о действительности. В сфере уголовного судопроизводства сложно найти практическое применение данной концепции как в варианте семантической концепции А. Тарского, так и в виде редундантной теории, однако можно сказать, что любое уголовно-процессуальное решение должно выполняться и имеет значение независимо от того, будем ли мы утверждать, что оно является истинным или нет, хотя, конечно, в таком случае не ясно, что будет выступать критерием соответствия доказательства действительности.

Данный обзор свидетельствует о разнообразии концепций истины в современной философской литературе, в которой не только отсутствует единое понимание истины, но и в некоторых случаях истина рассматривается как избыточный концепт. Нетрудно заметить, что корреспондентская теория «корреспондирует» теории отражения (диалектическому материализму), идеи которой являются доминирующими в уголовно-процессуальной литературе постсоветских стран, и ярко выражены в коллективном труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе», в котором указывалось, что «деятельность органов предварительного расследования и суда может быть успешной, если их решения будут соответствовать тому, что случилось в действительности. Следовательно и суд должны полно и точно познать картину совершенного преступления, то есть познать истину» [20, с. 36], и с тех пор принципиально не изменилась.

Однако, даже оставив термин «истина» в сфере уголовного процесса его корреспондентской, «наивной» версии, мы не можем не учитывать особенности юридического, уголовно-процессуального доказывания (познания), которые накладывают свои ограничения в поиске истины. В рамках данной специфики можно выделить основные особенности уголовно-процессуального доказывания (познания):

– *направленность.* То есть доказывание (познание) направлено на уста-

новление обстоятельств, необходимых для принятия определенного решения; в рамках стандарта доказывания «вне разумного сомнения», такое решение является «основным», то есть решение, принимаемое в ходе судебного разбирательства, и предстоит принять лишь при наличии обстоятельств, указанных в предмете доказывания (обстоятельства, подлежащие доказыванию) в зависимости от вида процедуры (уголовно-процессуальной формы) и отдельных элементов состава преступления, в рамках которого обвиняется данное лицо;

– *ретроспективность.* То есть обстоятельства, которые необходимо установить, имели место в прошлом, а потому недоступны для непосредственного исследования и отсутствуют в действительности, в рамках которой проводится их доказывание (познания). Хотя нужно отметить, что отдельные обстоятельства, такие как результат уголовного преступления (например, вид и размер вреда) и обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, являются обстоятельствами настоящего и могут быть нами исследованы непосредственно; хотя, опять-таки последнее касается конкретного лица, причастность которого еще нужно доказать (узнать и аргументировать), и чьи действия являются частью прошлого;

– *опосредованность.* То есть невозможность непосредственного познания обстоятельств уголовного правонарушения, обстоятельств прошлого сейчас, находясь в настоящем (тесно связано со свойством ретроспективности). Кроме этого следователь, прокурор, судья и присяжный, даже если они и непосредственно были свидетелями исследуемого события (в прошлом), уже не могут быть данными субъектами, и будут уже допрошены другим следователем, прокурором и судом/присяжным, в силу требования беспристрастности. Опосредованность также касается и исследования следов события, именуемого в УПК Украины как собирание доказательств, т. к. предполагает активные действия: поиск следов, их интерпретирование и фиксирование; следы являются мостом между событием и настоящим, однако это не равно самому событию, то есть имеет место опосредованное

исследование обстоятельств прошлого. Однако даже при таком познании обстоятельств нужно учитывать, что воспринимаются данные обстоятельства человека, его органами чувств, которые не совершенны и не всегда (если вообще) способны проникнуть в «истинную» суть вещей. Вместе с тем если последовательно проводить эту идею до конца, то возможно прийти к идее солипсизма; однако нужно иметь в виду несовершенство восприятия и следов, которые могут быть повреждены, неинформативны или могут быть по-разному проинтерпретированы;

– *формализм*. Уголовно-процессуальное доказывание (познание) осуществляется только в тех формах и видах, и только теми субъектами, которые прямо предусмотрены в законе; нарушение данных правил/норм ведет к признанию полученной информации недопустимым доказательствами, которые не могут быть положены в основу процессуального решения;

– *Срочность*. Доказывание (познание) имеет временные рамки в силу ограниченности в человеческих, временных и финансовых ресурсах, которыми располагает государство и которые выражены как в нормах УПК Украины по ограниченности досудебного расследования четкими сроками, так и судебного разбирательства, которое должно быть закончено в разумный срок. С другой стороны, законодатель прямо предусматривает сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Отдельные ограничения с целью уголовно-процессуального доказывания выдвигаются законодателем как в отношении отдельных видов процедур, таких как: 1) упрощенное производство по уголовным проступкам; 2) ограниченность срока расследования уголовных проступков; 3) институт заключения сделок; 4) закрытие уголовного производства и др.; так и общие требования, среди которых: 1) презумпция невиновности; 2) правила допустимости доказательств; 3) невозможность допроса отдельной категории лиц; 4) возможность свидетеля давать показания против себя и близких родственников; 5) непосредственность исследования показаний, вещей и документов судом; 6) показания с чужих слов; 7) преюдиции и пр.

Выводы. Приведенное сравнение корреспондентской группы теорий с диалектическим материализмом и рассмотрение конкурирующих теорий истинности не имеет целью показать ошибочность теории отражения, а лишь указать на существование других самодостаточных подходов и теорий к пониманию истины и поколебать позиции тех исследователей, которые указывают на исключительность диалектического материализма как единственно верного подхода и основы теории доказательств, доказывания и уголовного процесса в целом. Конечно, без ориентации на реальность, которая требует решения вопроса о причастности лица в совершении определенных действий, которые расцениваются как уголовные преступления, и действий, которые имели место в этой реальности, невозможно эффективное функционирование любого юрисдикционного процесса, и уголовного в частности. Однако нужно иметь в виду, что, пытаясь использовать философский термин «истина» и экстраполируя его на сферу права, уголовного процесса, мы должны учитывать его неоднозначность и ограниченность в практическом использовании. Вместе с тем, мы можем утверждать, что исключение истины из текста УПК Украины, соответствует идеи стандарта доказывания «вне разумного сомнения», которая, по нашему мнению, не совместима с «истиной» как отсутствием любых сомнений (абсолютной несомненности), соответствию представлений о действительности, существующей вне субъекта.

Единственное в чем, по нашему мнению, понятие истины важно – это в его ценностной, этической составляющей, то есть рассмотрение истины как ориентира, недостижимой цели, к которой нужно стремиться, идти в доказательной (познавательной) деятельности. Такую позицию разделяют некоторые современные авторы, которые рассматривают истину, стремление к ее познанию как морально-познавательную ценность [21, с. 140], идеальную и моральную цель [22, с. 35]. Такая позиция имеет место быть, однако, по нашему мнению, используя категорию истины как цели мы говорим о мифе, а не о реальности, пытаясь придать дополнительную моральную силу и до-

верие уголовному процессу и судебной системе в целом. Потому необходимо признать невозможность сосуществования истины и судебной ошибки, которая может быть результатом не только непрофессионализма, некомпетентности следователя, прокурора, судьи, но и есть в самой природе уголовного процесса, и доказывания в частности, что частично нашло свое отражение в институте пересмотра судебных решений и наложения моратория на смертную казнь странами Европы, и Украиной в частности.

Список использованной литературы:

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 4-ое изд. – М.: КНОРУС, 2008.
2. Нор В.Т. Истина у кримінальному судочинстві: ідея, догма права, реалізація / В.Т. Нор // Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право». – 2010. – № 2. – С. 1–14.
3. Аверин А.В. Судебная достоверность. (Постановка проблемы) / А.В. Аверин. – Владимир: Изд-во «Транзит-Икс», 2004.
4. Маткина Д.В.. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития : [монография] / Д.В. Маткина. – М.: Юрлитинформ, 2010.
5. Лукашкіна Т.В., Гуртієва Л.М.. Теорія доказів у кримінальному судочинстві / Т.В. Лукашкіна, Л.М. Гуртієва. – Одеса: Фенікс, 2012.
6. Вапнярчук В.В. Сущность истины в уголовном процессе Украины / В.В. Вапнярчук // *Legea și viața*, vol. 2. – 2013. – № 9. – С. 53–56.
7. Степаненко А.С. Проблемы визначення стандарту доказування «поза розумним сумнівом» / А.С. Степаненко // *Електронне наукове видання «Юридичний науковий електронний журнал»*. 2014. – № 6. – С. 225–227.
8. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997.
9. A. Broadbent, *Philosophy for Graduate Students: Metaphysics and Epistemology*. New York: Routledge, 2016.

9. Чудинов Э.М. Природа научной истины / Э.М. Чудинов. – М.: Политиздат, 1977.

10. Штукенберг К.-Ф. Исследование материальной истины в уголовном процессе / К.-Ф. Штукенберг. – «Государство и право» Журнал Российской академии наук, 2014. – № 5. – С. 78–86.

11. Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики / Е.А. Карякин. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007.

12. Glanzberg M. Truth / M. Glanzberg. – The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2014. – [Electronic resource]. – Access mode : <http://plato.stanford.edu/entries/truth/>.

13. Young J.O. The Coherence Theory of Truth / J.O. Young. – The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015. – [Electronic resource]. – Access mode : <http://plato.stanford.edu/entries/truth-coherence/>.

14. James W. Pragmatism's Conception of Truth. / W. James. – J. Philos. Psychol. Sci. Methods, 1907. – Vol. 4. – № 6. – P. 141–155.

15. Naack S. The pragmatist theory of truth / S. Naack. – Br. J. Philos. Sci., 1976. – Vol. 27. – № 3. – P. 231–249.

16. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Фливерберг. – Социологические исследования, 2000. – № 2. – P. 127–136.

17. Чубукова Е.И. Коммуникативно-прагматическая концепция истины в философии языка Ю. Хабермаса / Е.И. Чубукова // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Серия “Symposium”. – 2001. – Выпуск 12. – P. 255–258.

18. Stoljar D., Damnjanovic N. The Deflationary Theory of Truth / D. Stoljar, N. Damnjanovic. – The Deflationary Theory of Truth, 2014. – [Electronic resource]. – Access mode : <http://plato.stanford.edu/entries/truth-deflationary/>.

19. Теория доказательств в советском уголовном процессе. / Отв. редактор Н.В. Жогин. – изд. 2-е исправленное и дополненное. – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.

20. Гмирко В.П. Доказування в кримінальному процесі: діяльнісна парадигма. Теоритичний аналіз. Проблематизація. СМД-репрезентація / В.П. Гмирко. – Дніпропетровськ, 2010.

21. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : [учеб.-практич. пособие] / В.А. Лазарева. – 4-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2013.

VENTURE CAPITAL INVESTMENTS IN THE INNOVATIONS DEVELOPED BY UNIVERSITIES

Roman TARNAVSKYI,

Assistant at the Department of Economic Law and Procedure
National University “Odessa Law Academy”

Summary

The article examines the need to improve the legal regulation of the use of venture capital in Ukraine for the financing of innovation in higher education. Also it is analyzed the procedure of interaction of the legal entities created at the universities and venture capital funds in the field of development of innovation for industrial-defense complex of Ukraine, the legal form of such enterprise, the remuneration for the team of developers, the state's share in this company.

Key words: venture capital fund, higher education, innovation, defense complex of Ukraine, commercialization of innovations.

Анотация

В статье анализируется необходимость совершенствования правового регулирования использования венчурного капитала в Украине для финансирования инновационных разработок высших учебных заведений. Анализируется порядок взаимодействия созданных при высших учебных заведениях юридических лиц и венчурных инвестиционных фондов в сфере разработок инноваций для промышленно-оборонного комплекса Украины, организационно-правовой формы такого предприятия, порядка вознаграждения команды разработчиков, доли государства в таком предприятии.

Ключевые слова: венчурный фонд, высшие учебные заведения, инновации, оборонный комплекс Украины, коммерциализация инноваций.

Formulation of the problem.

The interaction of scientific and innovative capacity of higher education institutions (hereinafter – universities) and the business environment is common practice in many developed national innovation systems [7].

In particular, the interaction of universities with business organizations in terms of creation of innovation infrastructure at universities and funding the commercialization of university startups brings significant fruits for the startup projects developed by students and teaching staff with financial support from relevant private investors and venture capital funds.

That's why the research on legal regulation of the relationships between universities, teaching staff, students, state and investors have to be considered as an **actual theme for research**.

The state of research on the topic. Legal aspects of venture investment, namely some issues of legal regulation of economic relations on investment, public and private innovation support entities can be found in the works of: Y. Atamanova, M. Vasilenko, D. Vysotskyi, A. Vinnyk, O. Dyuhovanets, O. Kibenko, V. Kossak, D. Zyatynoyi, T. Mason, A. Onufrienko,

A. Podtserkovnyi, V. Duel, O. Simson and some others.

The aim of the study. However, these studies need to complement by the establishment of the legal regime of interaction between higher education institutions and state/private investment funds, including venture capital investment funds. In particular, a mechanism of trilateral interaction between universities – investors – an innovative company (startups created by the students and teaching staff).

Presenting main material. Higher education institutions are an important link in the process of building a national innovation system of any country. Given the fact that the national innovation system of Ukraine is in the making, to create unambiguous legal conditions to enable the effective and efficient functioning of higher education institutions (hereinafter – the University) as part of the innovation system.

Private investors can support startup projects both within any type of interaction between university – business (not targeted financial support), and through targeted investments in startups that work in areas where the private investors have their interest.